

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА БРЕСТЧИНЕ В 1920-1930-е ГОДЫ, ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ

На сегодняшней день всё больше возрастает интерес к такой сфере жизни общества, как повседневность, где устная история играет одну из ключевых ролей в воссоздании полной картины повседневной жизни общества в тот или иной исторический отрезок времени. Повседневную историю формируют простые люди: крестьяне, рабочие, ремесленники – жители местечка, пригорода, города. То есть повседневная жизнь – это жизнь обывателя. Причём слово обыватель не является каким-то предвзятым. Здесь нет никакого уничижительного смысла. В.И. Даль писал: «обыватель, обывательница – житель на месте, всегдашний, водворённый, поселённый прочно, владелец места, дома». Исходя из этого, можно сказать, что обыватель – это обыкновенный человек, который и является главной фигурой в истории повседневности.

История повседневности, прежде всего, направлена на описание таких явлений, как домашний быт, жильё, хозяйство, одежда, питание, рождение, смерть, досуг, семья. Это история отдельных, маленьких житейских мирков.

Следует отметить те особенности, которые необходимо принимать во внимание, чтобы сделать правильные выводы:

- поскольку запись воспоминаний проводится спустя несколько десятилетий после произошедших событий, информация в них не передаётся в полном объёме, мы получаем возможность ознакомиться только с наиболее устойчивыми, неисчезнувшими в течение длительного времени впечатлениями;

- все респонденты, чьи воспоминания использованы в работе, это люди 1920-1930-х гг. рождения, то есть это детские или подростковые воспоминания.

Большинство респондентов являются выходцами из крестьянских семей и проживали в сельской местности. В своих воспоминаниях они отражают типичные черты повседневной жизни, одну из фундаментальных основ которой составлял семейный быт. Он включал в себя те особенности, которые характерны для данного периода.

Многие респонденты вышли из многодетных, больших семей. Это была одна из особенных черт, повлиявших на образ жизни и организацию бытовых условий:

«Сям'я наша была вялікая – бацька – Рыгор, маці – Ганна і 9 дзяцей – (але адзін брацік нарадзіўся мёртвы) – Марыя, Сцёпа, Оля, Ліда, Люба, Насця,, Ульяна»[1].

«В семье нас было 8 детей: 4 брата и 4 сестры [2].

«Сям'я наша налічвала 7 чалавек. Бацька – Маліч Зіновій, маці – Маліч Кацярына і мы: старэйшы брат Лівон, сястра Марыя, брат Андрэй са сваёй жонкай Галей ды і я.»

«Семья была большая. Гадовалася я, в дэсяць душ сэмья була. Був дятко, то батькув брат, ёго сэмья и наша сэмья, и дед, и баба, были дэсяць душ у хате»[3].

Практически все респонденты описывают натуральный способ ведения хозяйства. Как правило, всё, что производили и выращивали в семье, сами же и потребляли:

«Работали на зэмлі, у нас поле своё було, щэ батько купыв. Жылы мы, можно сказаты, неплохо, голодны нэ були. Садилі картошку, лён, просо сеяли, рожь, грэчку»[3].

«Наша сэмья жила небогато, так как было мало земли, около 2-х га. На ней мы выращивали хлеб, картошку, растили лошадку, были две коровы. То есть выращивали только для себя, а не продавали ничего» [4].

«Продовольственные (харчовыя) тавары мы ў вогуле не куплялі, ўсе было сваё. Наша сям'я трымала авечкі, якіх стрыглі, потым пралі воўну (шэрсць), ткалі сукно, з якога і шылі адзенне. Шылі таксама піджакі, світкі. Абутак або самі выраблялі з цялячай скуры, або куплялі ў яўрэяў у лаўцы, або хадзілі ў пасталах (гэта лапці, якія плялі з лазы)» [1].

Ели то, что выращивали у себя на огородах, еда была скромной и традиционной:

«За стол садилісь три раза в день, всей сэмьей: утро – пироги, сало жареное, обед – капуста, кулеш, каша (гречка, пшено, ячнныя крупы – все было свое) и компот с дичек (маленькие груши). Ужин – бульба с молоком и салом. Вкусным считался белый хлеб из пшеницы, сахар (кубик делился на 4 части). Купленная булочка – это было что-то!!! По праздникам еда, в основном, не менялась: варили мясо (резали овец, свиней), сыр, творог, рыба. Было и такое, что на большой праздник резали маленького поросенка и целиком клали на стол» [5].

«Очень с уважением относились к хлебу и берегли его. Если кусочек хлеба падал случайно на землю, его целовали и просили прощения» [6].

Некоторые респонденты описывают посуду и столовые принадлежности:

«Пользовались посудой в основном из дерева и глины. На стол ставили горшочек с вареной едой, редко она переливалась в деревянную или глиняную миску. Все садилісь вокруг стола и черпали еду деревянными ложками. Панская шляхта ела из серебряных, оловянных, позолоченных тарелок. У них в семьях пользовались вилками и ножами» [6].

В плане обустройства жилища, можно сказать, что всё зависело от достатка в семье, но в общем плане обустройство жилища было скромным:

«Мэблі амаль ніякай не было: быў толькі стол, печка, сядзелі на лавах (ставілі дзве калодкі, а наверх лажылі дошку). Ложкаў таксама не было, спалі ... у сенях (веранда), матрасы набівалі саломай. Тое ж самае было і ў суседзяў» [1].

«Дом, по сравнению с теми, которые строят сейчас, был маленьким (но тогда он считался вполне большим). Две комнаты. Одна 8 на 6 кв. метров, вторая летен, 3 на 6 кв. метров. Из мебели: стол, лавы (от селовой и дворовой стены) и 2 слоны. Ток (пол) был глиняным. У богатых – деревянный. Постелью служила солома, накрытая простыней. В некоторых домах была деревянная кровать (но у тех, кто был более богат, или у кого было немного детей). Была печь (на ней спал дед), груба. Окна были маленькие, и поэтому в доме было не очень светло. Ещё был светильник. Зажигали светильник по вечерам зимним, когда ткали полотна, вышивали» [5].

«Жили мы в небольшом деревянном домике, крыша была покрыта черепицей. Строил дом ещё прапрадед. В доме было две комнаты и кухня. Участок был небольшой, соток, может быть, пять. Был колодец, туалет на улице, помойная яма, по углам участка росли яблони. В доме был погреб, туда ставили бочки с капустой, огурцами, заготовленными на зиму, складывали картошку. Меблировка была довольно простой. Были естественно кровати, шкаф, стулья, была этажерка, на которую ставили книжки. По углам висели иконки, лампадки. Освещались с помощью керосиновых ламп, на них надевали абажуры, они ужасно коптели, и поэтому к каждому празднику приходилось белить потолки. Полы были дощатые, тщательно начищались, иногда вышкрябывали их даже ножами. Висели у нас и картины, маме нравилось изображение зимы, а мне зелёного луга. Много было рукоделия: салфетки, дорожки. На окнах висели занавесочки, штор не было, а сами окна закрывались ставнями» [7].

Достаточно редко приобретали товары на рынках, в магазинах и на ярмарках. Покупка обуви, одежды, предметов быта вспоминается как яркое событие, особенно, если это была поездка в город:

«Мать часто покупала нам одежду новую перед праздниками, но необходимую. Один раз мне запомнился, как купили мне пальто. Было столько счастья!» [8].

Чаще всего покупали некоторые продукты (сахар, соль, иногда сладости для детей), спички, керосин:

«В город за покупками мы выбирались в то время редко, так как все стоило денег немалых. Товары первой необходимости (соль, керосин) покупали в лавке у местного еврея (в деревне он с семьёй был один)» [9].

«На ярмарках, которые создавались два раза в год по большим праздникам (хорошо помню, что ярмарка была всегда на свято Микола, 19 декабря), мы покупали возы, коней, хомуты, то есть все, что не могли сделать сами. В магазинах покупали сахар. Очень редко – селедку» [10].

Медицинское обслуживание было платным, поэтому в основном лечились домашними средствами, есть упоминания, что обращались к сельским знахаркам. К услугам врачей прибегали лишь в случае крайней необходимости:

«Ах, какое тогда было леченье. У Каменюках был фельдшер. Алэ ніхто не ездил, далэко, машин нэ було. Только своя лошадь була, своя повозка и всё. Лечились сами. Алэ буле ворожбеи (знахарки). Вони по улицы ходыли, то нарывы булы всякия на ступнях, ну то мы ходылы да Липчиной бабули, вона вэльми була такая, нарыв иголкой проткнула, выдушила, выдушила, рукою помазала, потрэ, брала белую сажу (известь) и мазала» [10].

«В деревне была медсестра Татьяна, а в районе больница. Когда мать моя заболела на ногу – воспаление, заражение крови пошло, – то отец мой повез ее в Столин. Обследовали ее – надо операцию делать. Деньги платить огромные. За сутки – 5 злотых. А если есть – плати, а нету – забирай. Сделали ей операцию. После чего она пробыла в больнице два дня. Так как не было средств, отец ее забрал домой. Приходила домой к нам медсестра, да и делала перевязку, таблетки приносила. Вот так в большинстве и лечились, а в больнице – стоило очень дорого» [4].

«Хворили тогды редко, як вжэ хто захворые, то або личылися самы (частий за все), або шлы да еврэя и куплялы «когутыка» (гэто вжэ як крэпко галова болила и простужывалася). «Когуток» - гэта був аспирын у пакетиках, на самому пакетику був нарысаваны пивень, што па-польску значыла «каутэк». Самэ липшее личэнне было залізты на протопленую пичку, дэ на чоринь сыпалосся зерно, и полижаты на ему. Любая хвароба праходыла. У сылы у нас був врач-палаяк. Прививак не давалы, кроме как ад ослы. На прививку людэ сами носылэ дьтэй. После гэтых прививак доуга заживала рука и гнаилася. Больница была у Кобрыни, але там было дарага личытыся» [11].

Большинство респондентов характеризует свои семьи как трудолюбивые, отмечают, что трудолюбие воспитывалось у детей с малых лет. Как правило, детей приучали работать с младшего возраста:

«С маленького. Конечно, помогали. Время было такое, что держали корову, и поле было. За животными ухаживали» [12].

У белорусов, которые в подавляющем большинстве принадлежали к крестьянской среде, понятие «богатство» ассоциировалось, прежде всего, со значительной земельной собственностью, наличием большого количества скота и принадлежностью к властным структурам. Достаточно типичная ситуация, когда респондент относит свою семью к богатым (закиточным), отмечая, что семья имела много земли, 3 коня, 3 коровы, много овец, но при этом говорит о том, что почти ничего не покупали, было мало одежды (2 юбки – на каждый день и праздничная) [1]. Обычным дополнительным источником доходов белорусских семей была работа «на пана», занятие различными промыслами.

Благосостояние семьи зависело от количества земли, тяглого скота и рабочих рук:

«Мае бацькі працавалі на зямлі, якой у нас было многа, наша сям'я ў вёсцы лічылася заможнай – у гаспадарцы было тры кані, тры каровы» [1].

«У деда моего было 10 десятин земли, мельница 1 ветряная, 5 коров, несколько волов, коней, 40 колод пчел, овцы. У деда было 3 сына, 2 дочки, 3 невестки. Признаком достатка считалось наличие леса, сенокоса, земли. В деревне уважали деда, других людей за достаток и относительное богатство, не уважали пьяниц, бедных» [13].

В городе же богатыми считались те, кто имел свои торговые лавки, кто по роду деятельности был учителем, врачом. Интересен тот факт, что к богатым людям относили тех, кто имел свой велосипед, телефон:

«Самостоятельными людьми считались врачи, учителя, аптекари. Их было очень мало, так как за образование надо было платить. Также у кого были магазины, лавки, кафе, пекарни, парикмахерские, кто работал на предприятиях, кто имел велосипед» [6].

Также большим уважением пользовались священнослужители:

«Большим авторитетом пользовались священники и псаломщики. Это были высокоуважаемые люди. Они были очень грамотными, вежливыми и всегда желанными людьми» [14].

«Большим уважением пользовался ксендз. В основном самыми богатыми были жители центра, и это были поляки, потому что они занимали главные посты в городе, неполякам трудно и даже невозможно было добиться высоко поста. Наибольшим уважением пользовались естественно чиновники, учителя, интеллигенция» [7].

Были и те, к кому относились плохо таковыми считались пьяницы, воры, хулиганы.

Определенный фон повседневной жизни белорусов создавали межэтнические отношения. Этот регион отличается многонациональным составом населения, некоторые этнические группы были значительны и занимали особое место в социально-экономической и политической жизни края. Это, безусловно, отражалось и в повседневной жизни людей.

В одних воспоминаниях представлены примеры дружеских, миролюбивых отношений, в других, наоборот, описываются острые этнические разногласия:

«К полякам я сохранила хорошее отношение и по сей день, потому что 2 польские семьи помогли нам. Они жили недалеко от нашего нового места жительства. Мы бежали к ним, и они давали мне и 3-м моим братьям еду, а иногда и ненужные вещи, которым мы очень радовались, потому, как родители не могли такого позволить. Мы не ощущали к себе никакого презрительного отношения, мы вместе играли с их детьми на крыльце» [15].

«Из своих воспоминаний, я могу сказать, что поляки не очень хорошо относились к евреям, равно как и евреи к полякам. Они старались игнорировать друг друга и общались только по необходимости». [15]

«Католики и православные ходили в гости на праздники, устраивали танцы. И, наоборот, православные к католикам. Причем католики и православные очень хорошо знали все религиозные праздники другой веры и уважали их. Такое же отношение было и к евреям» [9].

«Поляки к людям своей национальности относились гораздо лучше. Хуже всего относились к белорусам. К евреям лучше, так как они были богаче. Поляки считали себя более культурной нацией, себя они называли «панове». А белорусов презрительно – «мужики», «голодранцы», «быдло» [6].

«У нас считали, что еврейки – очень хорошие матери. Когда еврей женился на белоруске, считали, что брак будет удачным. Потому, что еврей – муж будет заботливым, трудолюбивым, он не будет пить и гулять. В нашем роду были различные браки. Один брат был женат на полячке, два других на еврейках» [6].

«Жили мы душа в душу, дружно жили. Был у евреев магазин там, шили все нам и сапожники, и портняжники, и булочки пекли и продавали нам, и водка, все было. Все приходило к ним в магазин» [16].

Неоднозначным было отношение к цыганам. Одни респонденты, дают им негативную оценку, другие положительную:

«В нашей деревне жило достаточно много цыган. Но к ним все относились негативно. Они часто воровали с огородов по ночам, ели мясо мертвых животных. Мне рассказывала мать, что цыгане часто ходили по деревне и просили местных, чтобы те отдавали им больных свиней, коров, птиц; они их убивали и ели. Жили цыгане в самом конце деревни в ужасных домах (с огромными щелями, с земляным полом). С самого детства у меня пренебрежительное отношение к цыганам» [15].

«В Бресте цыгане не проживали. Иногда появлялись, но так нет. Вообще, к ним относились настороженно. Считали, что они могут украсть лошадь или даже ребенка. А могли оставить своего ребенка. Знаю, что в городском поселке Дивин их было очень много, даже вели оседлый образ жизни» [6].

«Цыгане ночевали у нас всю зиму, а летом жили в лесах. Кочевали. Относились к ним неплохо, давали приют. Тогда цыгане были неплохими людьми и нам помогали, если что» [5].

Материалы устной истории вносят значительные коррективы в воссоздание картины прошлого. Воспоминания «маленького человека» (обычных людей) позволяют в первую очередь осветить не фактологическую сторону событий, а проникнуть в их глубинную сущность. В устной истории отражено мировосприятие людей и их повседневная жизнь – то, что помогает лучше понять изучаемый период истории и историческую науку в целом.

ИСТОЧНИКИ:

1. Романович Ольга Григорьевна, жительница д. Мотоль Ивановского р-на, Брестской обл.
2. Кухарчук Мария Ивановна, жительница д. Вулька-Достоевская, Ивановского р-на, Брестской обл.
3. Бурак Надежда, жительница д. Вулька-Достоевская, Ивановского р-на, Брестской обл.
4. Пашкевич Николай Дмитриевич, житель д. Рубель, Столинский р-н, Брестская обл.
5. Гриневич Варвара Павловна, жительница д. Цна, Лунинецкого р-на, Брестской обл.
6. Коваль Екатерина Семеновна, жительница д. Черни, Брестского р-на, Брестской обл.
7. Клундук Алла Васильевна, жительница г. Бреста.
8. Тарасевич Евгения Ильинична, жительница г. Бреста.
9. Кротович Анна Григорьевна, жительница г. Бреста.
10. Качан Ольга Григорьевна, жительница д. Белая, Каменецкого р-на, Брестской обл.
11. Семенюк Ольга Федоровна, жительница д. Тевли, Кобринского р-на, Брестской обл.
12. Горохова Валентина Александровна, жительница г. Бреста.
13. Кисель Николай Максимович, житель Столинского р-на, Брестской обл.
14. Мишевич Степан Иванович, житель Кобринского р-на, Брестской обл.
15. Ляшук Мария Ивановна, д. Навицковичи, Каменецкого р-на, Брестской обл.
16. Сергеева Ольга Антоновна, жительница д. Белая, Каменецкого р-на, Брестской обл.

ПИВОВАРЧИК С.В.

Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь

ГРОДЗЕНСКАЯ КРЭПАСЦЬ НАПЯРЭДАДНІ І Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Традыцыі гродзенскай фартыфікацыі былі закладзены ў эпоху сярэднявечча. Ужо сама летапісная назва горада "Горадзень" сведчыць, што горад узнік як агароджанае ўмацаваннем месца. Тапаграфічнае размяшчэнне паселішча на мысе пры ўпадзенні Гарднічанкі, высокі стромкі бераг Нёмана. Глыбокія яры склалі вельмі зручныя тапаграфічныя ўмовы для развіцця вайскова-інжынернай думкі. Гродна ўзнік на этнакультурным памежжы, і палітычныя падзеі, што адбываліся ў гэтым рэгіёне, таксама ўплывалі на фармаванне абарончых элементаў горада. Яны прайшлі звалючыю ад прасцейшых дрэва-земляных канструкцый да магутных фартыфікацыйных збудаванняў. Кожны перыяд у гісторыі горада адбіўся на яго ўмацаваннях, якія адпавядалі часу і традыцыі: земляны вал і драўляныя сцены дзядзінца (якія былі ўжо ў XII ст. заменены на каменныя – унікальная з'ява) і вакольнага горада часоў Полацкага княства. Потым былі гатычны замак перыяду Вялікага княства Літоўскага, рэнесансная і барочная архітэктура з абарончымі рысамі часоў Рэчы Паспалітай, рэдуты і люнеты паўночнай вайны і паўстання пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі. Не быў выключэннем і час, калі Гродна быў у складзе Расійскай імперыі

Першы план узвядзення фартыфікацый у Гродне, якія адпавядалі б тагачаснай вайсковай тактыцы і стратэгіі, з'явіўся адразу пасля канчатковай анексіі Расійскай імперыяй беларускіх зямель у выніку трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай. У Цэнтральнай Еўропе адбылася змена геапалітычнай сітуацыі і ўсталяванне новай мяжы імперыі з заходнімі суседзямі. Цяпер расійска-пруская мяжа праходзіла ўздоўж Нёмана ад Усходняй Прусіі да Гродна. Здавалася, што заходняя мяжа Расіі стабільная і змяняцца ўжо не будзе. Вышэйшыя расійскія вайсковыя ўлады прыступілі да прац, звязаных з інжынерным забеспячэннем новай мяжы імперыі. Да таго ж трэба было паказаць свету, што Расія замацоўваецца на далучаных землях сур'ёзна і надоўга.

У 1796 г. была створана спецыяльная камісія пад кіраўніцтвам шэфа Корпуса інжынераў генерал-маёра інжынера П. Сухтэлена. На заходнюю мяжу для вывучэння становішча быў накіраваны інжынер-капітан К. Оперман. Вынікам яго працы стала інструкцыя "Обеспечение новой границы с Пруссией и Австрией". Ён прапанаваў на працягу 1200 км пабудаваць дзевяць крэпасцей, у тым ліку і ў Гродне.

Далей распрацоўку фартыфікацыйнага ўмацавання заходняй мяжы імперыі правёў генерал-маёр інжынер М. Дэволан. У сваім праекце ў 1797 г. ён прапанаваў цэлую абарончую сістэму з крэпасцей, якія ўтваралі тры лініі. Згодна плану, першая лінія адпавядала праекту К. Опермана, другая лінія размяшчалася ў адлегласці 100 – 80 км і ўключала крэпасці-склады ў Ворне, Вільні і Слоніме; трэцяя лінія складалася з першакласных крэпасцей у Рызе і Кіеве. Такі спосаб абароны мяжы дазваляў у залежнасці ад палітычна-вайсковай сітуацыі даволі эластычна будаваць тактыку абароны і наступлення. У тым жа 1797 г. распачаліся працы па рэалізацыі названых вышэй планаў, аднак канчаткова яны не былі здзейснены. Расія, якая вяла шматлікія войны падчас панавання Кацярыны II, сродкаў на рэалізацыю планаў фартыфікацыйнага ўмацавання (а кошт быў вельмі вялікі) на той час ужо не мела. Акрамя сродкаў, не хапала і адпаведных кваліфікаваных кадраў для крэпаснага будаўніцтва, паколькі вяліся ў асноўным наступальныя войны і інжынерных часцей было няшмат.